

ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА

8345 5034

1914

10 Октября

1914 г.

ВОЕННЫЙ НОМЕРЪ.

На ст. ж. д. цена 6 коп.

5 коп.

Цена № в розничной продажѣ въ столицахъ и провинціи

ПАНОРАМА

Въ соборѣ.

Женщины въ бѣлыхъ покрывахъ
 Пѣли о навшихъ въ бою,
 Пѣли о мукахъ суровыхъ
 И о блаженствѣ въ раю.
 Мрачные своды собора
 Вторили пѣвню мольбы.
 И отъ преддверья до хора
 Были гробы и гробы...
 Скорбно-внимательнымъ взгля-
 домъ

Образъ глядѣлъ съ высоты.
 Синій струящийся ладанъ
 Смутными дѣлалъ черты.
 Пастырь молился и чудо
 Видѣлъ въ кадильномъ дыму:
 Образъ Господній оттуда
 Строго глядѣлъ въ полутьму.
 Пастырь молился, и взоры
 Страстный таили вопросъ:
 — Боже, сдвигающей горы,
 Все ли ты видишь, Христосъ?
 Кто отомститъ и осудитъ
 Злобныхъ, неправыхъ враговъ?
 Тихо отвѣтилъ:—Да будетъ!—
 Дрогнувшій обликъ Христовъ.

Дмитрій Цензоръ.

Разстрѣлъ нѣмецкаго отряда на понтонномъ мосту.

МОЛИТВА СЕСТРЫ.

Эскизъ.

Въ степи быстро темнѣть. Августовскіе вечера ка-
 кие-то пугливые, чуть поаѣютъ надъ землей, поглядятъ
 въ зеркала степныхъ озеръ и быстро потухаютъ, ведя за
 собой голубую призрачную тьму. Тишина въ степи полная—
 ни птица, ни звѣрь не прокричитъ, только едва слышно
 гудитъ телеграфные провода, да глухо, какъ чьи-то громад-
 ные зубы, постукиваютъ рельсы... Поездъ все ближе и
 ближе... Два паровоза выпускаютъ гѣблыя тучи дыма. Съ-

дой, лѣнливый, стелется онь по темнымъ балкамъ, словно
 хочетъ здѣсь заночевать. Вотъ и вагоны... степь никогда
 еще не видѣла такихъ: бѣлыхъ, сверкающихъ новой крас-
 кой, съ выразительными красными крестами на стѣнкахъ.

Откуда эти вагоны и кто ѣдетъ въ нихъ?

Высокій степной курганъ, поросшій ковылемъ и жел-
 тымъ пескомъ, пропускаетъ поездъ мимо себя, заглянулъ
 въ окна вагоновъ, и, казалось, испустилъ тяжкій вздохъ.
 То, что онь увидѣлъ, ужаснуло старика и напомнило да-
 лекое прошлое... Когда-то, давно-давно, въ этой самой сте-
 пи произошла дикая, кровавая схватка. Хищно взвыгли
 вали стрѣлы, сверля раздвоенными остріями голубой бар-
 хатъ воздуха, съ трескомъ ломались копыя, звенѣли, скре-
 щиваясь, широкіе мечи... Изнуренные, разсвирѣбѣвшіе
 люди дрались до послѣдней капли крови... Ненависть и

Къ пребыванію Его Величества Государя Императора въ дѣйствующей арміи.

Прибытіе Его Императорскаго Величества Государя Императора въ дѣйствующую армію.

Верховный Главнокомандующій Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ и свиты Его Величества г.-м. Воейковъ на позиціи.

Его Императорское Величество Государь Императоръ изволятъ бесѣдовать съ героемъ Львова, ген. Рузскимъ.

жажда добычи ослѣпляла ихъ... Когда надъ битвой взопла золотая корона луны—въ степи было уже тихо... Тысячи окровавленныхъ страшныхъ тѣлъ лежали вперемежку на обрызганной кровью травѣ и невозможно было различить, кто изъ нихъ свой и кто недругъ?... Смерть примирила враговъ... Вдругъ въ вышинѣ грозно прошестѣли черныя могучія крылья... Стая вороновъ прилетѣла на богатую тризну... а потомъ дикій властелинъ-завосователь насыпалъ надъ своими погибшими рабами высокой холмъ—молчаливый символъ страданія и смерти.

Вѣка проходили за вѣками.

Старѣлъ и все глубже проросталъ травами курганъ. Слушая звонкія пѣсни жаворонка, онъ думалъ, что навсегда схоронилъ подъ собой черную душу войны, и вотъ она опять ожила передъ нимъ...

Степь уже совсѣмъ заволоклась тьмой, а вверху свѣтло. Миріады искръ разсыпаны надъ землею, и какъ-то особенно грустно въ степи отъ ихъ голубоватаго вздрагивающаго сіянія.

Въ вагонахъ тихо. Изрѣдка только послышится короткий заглушенный стонъ да наклонившаяся надъ больнымъ сестрица прошепчетъ ласковое слово утѣшенія.

Ти-та-та, ти-та-та,—монотонно стучитъ подъ мягкимъ клеенчатымъ поломъ. Безстрастно, спокойно горитъ въ фонаряхъ газъ, отбрасывая на лицахъ больныхъ густыя, сіяеватыя тѣни.

На крайней скамьѣ, къ двери—солдатикъ, раненый въ обѣ ноги. Онъ только что просилъ пить, а теперь сейчасъ, кажется, уже заснулъ. У него добродушное сѣроглазое лицо, давно небритое, такое милое, похожее на степной репей, и весь солдатикъ какой-то кряжистый, словно хорошая картофельная ботва. Фамилія его Крохотинъ. Сестрицѣ извѣстно, что дома у него жена и трое «писеклаковъ», какъ онъ называетъ ребятишекъ. Крохотинъ раненъ во время взятія Львова.

— Пришли мы, значить,—разсказывалъ онъ,—примѣрно, этакъ къ рѣкѣ. А смеркается ужъ. Тутъ, значить, командеръ скомандовалъ: «ребята, сейчасъ мы, говорить, въ этой самой рѣкѣ изъ австріяка уху варить будемъ». Только сказалъ это господинъ полковникъ, а они ужъ вотъ, передъ нами, какъ новый двугривенный... Ну, конечно, ахнули мы, какъ слѣдуетъ... артиллерія, пулеметы... Тутъ меня и сдернули...

Крохотинъ разсказываетъ это не спѣша, видимо, самъ любилъ мысленно тѣмъ, какъ «они» «ахнули» австріяка. Наговорился герой за день и теперь спитъ. Сестрица издала поглядываетъ на его «репшестое» лицо и грустно вздыхаетъ. Потомъ встаетъ и подходитъ къ другому солдату. Тотъ не спитъ,—радъ бы уснуть, да проклятая «стальная муха» засѣла между лопатками и не даетъ ни на минуту забыться.

— Что, Елькинъ, тяжело?

— Ничего, сестрица... Богъ дастъ, оправимся...

Видно, что каждый произнесенный звукъ доставляетъ ему острую боль, мускулы на худощавомъ, блѣдномъ лицѣ судорожно вздрагиваютъ, но онъ такъ радъ свѣтлоглазой, доброй дѣвушкѣ, въ коричневомъ платьѣ; что не смотря на ужасныя муки, онъ готовъ говорить съ ней хоть до утра.

— Вамъ вредно говорить... спите лучше... не надо-ли вамъ чего?...

— Нѣтъ...

Сестрица проводитъ ладонью по его влажному горячему лбу.

Ей безконечно жаль Елькина, молодого, полного силъ и надеждъ. Онъ пошелъ на войну добровольцемъ, бросилъ курсы и пошелъ.

Докторъ говорилъ, что рана опасна, но не смертельна. Дай-то Богъ!

За сутки пути сестрица полюбила солдатъ, какъ братьевъ, больше, чѣмъ братьевъ. И Крохотинъ, и Елькинъ, и Парамоновъ, вонъ тотъ у окна, и другіе—все они видомъ своихъ молчаливыхъ страданій покорили ея сердце.

«Вѣдь, это за меня, за мою мать, за многія тысячи насъ, беззащитныхъ женщинъ, проливали они кровь»,—думаетъ сестрица. А поѣздъ бѣжитъ все дальше.

Ти-та-та, ти-та-та,—стучитъ какая-то неугомонная пластинка подъ вагономъ.

Раненые одинъ за другимъ успокоились. Сестрица открываетъ дверь и выходитъ на площадку. Послѣ душиаго, пропитаннаго запахомъ іодоформа вагоннаго воздуха, хочется вздохнуть вольнымъ, степнымъ просторомъ, ароматомъ вечерньющихъ далей. Въ степи благоуханіе, какъ въ церковь въ Духовъ день. Что-то устало-сладкое, истомное разлито въ темнотѣ; кажется,—сухая, желтая трава невидимо тлѣетъ, зажженная безчисленными лучами звѣздъ. И хорошо, и грустно сестрицѣ.

Тѣмъ смущаются они на полни, свидѣтели войны,

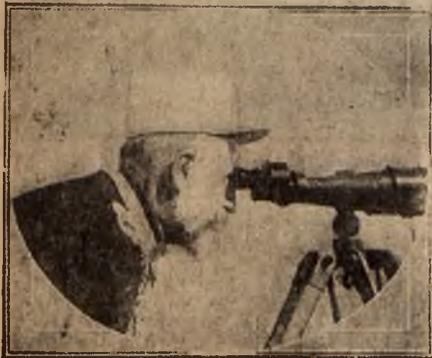
Къ кончинѣ короля Румыніи Карла I.

Король Карлъ, незадолго до своей болѣзни, бесѣдуетъ съ чинами военного министерства о послѣднихъ событіяхъ войны.

Новый король Румыніи — Фердинандъ, племянникъ покойнаго короля Карла.

Король Карлъ, нынѣ покойный, на маневрахъ. Снимокъ придворнаго румынскаго фотографа.

и, никѣмъ незримая молитва несется туда, гдѣ разлито золотое неугасимое сіяніе.

— «Великій Божел —шепчетъ дѣвушка. —Помоги имъ, укрѣпи ихъ измученныя сердца. Тяжки ихъ страдаія, но Ты Милостивъ и Всемогущь!..»

Мимо вагона съ глухимъ короткимъ шумомъ пробѣгаетъ одинокая, Богъ вѣсть, какъ попавшая въ степь, одинокая осинка. Сестрица вздрагиваетъ отъ неожиданности, быстро крестится и идетъ обратно въ вагонъ...

Далеко остался позади старый сѣдой курганъ. Навѣрно, не видѣлъ онъ чистой дѣвичьей молитвы, но легкой колючей вѣ-

терокъ, пробѣгая по степи, рассказываетъ старику о ней. И вздохнетъ курганъ и содрогнется отъ радости—не меньше, а больше стало на землѣ любви и безкорыстнаго святого добра

Алексѣй Липецкій

Король Фердинандъ на маневрахъ.

Король Карлъ на маневрахъ.

По пути въ Россію.

VIII.

Пирей.

Поѣздъ въ Аѣнахъ стоить очень не долго и, только отѣхавъ со станціи, мы видимъ, высунувшись изъ оконъ, бѣлыя пыльные улицы, бѣлые пыльные дома и гдѣ-то далеко слѣва, на холмѣ, который владычествуетъ надъ всѣмъ городомъ, стройную колоннаду — развалины акрополя.

Говорятъ, эти развалины необыкновенно красивы, въ особенности ночью. при лунномъ свѣтѣ, но, къ сожалѣнію, ни днемъ, ни ночью намъ такъ и не удалось побывать въ Аѣнахъ.

Отъ Аѣинъ до Пирея всего семь-восемь минутъ ѣзды, по городъ, за первымъ изгибомъ дороги, сейчасъ же исчезаетъ изъ глазъ, и картина кругомъ совершенно мѣняется. Мы ѣдемъ среди загаженной мѣстности, сильно напоминающей заводски-фабричную, по обилію тяжелыхъ, закопченныхъ каменныхъ корпусовъ, горъ каменнаго угля, пакгаузовъ и т. д.

Отъ знаменитой древней стѣны, которая тянулась когда-то отъ Аѣинъ до самаго Пирея и соединяла оба пункта въ нѣчто единое, не осталось и слѣда. Городъ съ портомъ соединяетъ теперь трамвай, чистенькій и кокетливый европейскій трамвай, который древнимъ грекамъ и не снился, хорошенькій, выполированный и блестящій, какъ заводная игрушка, ярко освѣщенный внутри и снаружи электричествомъ, и этотъ трамвай съ веселымъ звономъ подлетаетъ къ самому морю.

Впрочемъ, съ полотна мы его не видимъ, а видимъ только въ порту.

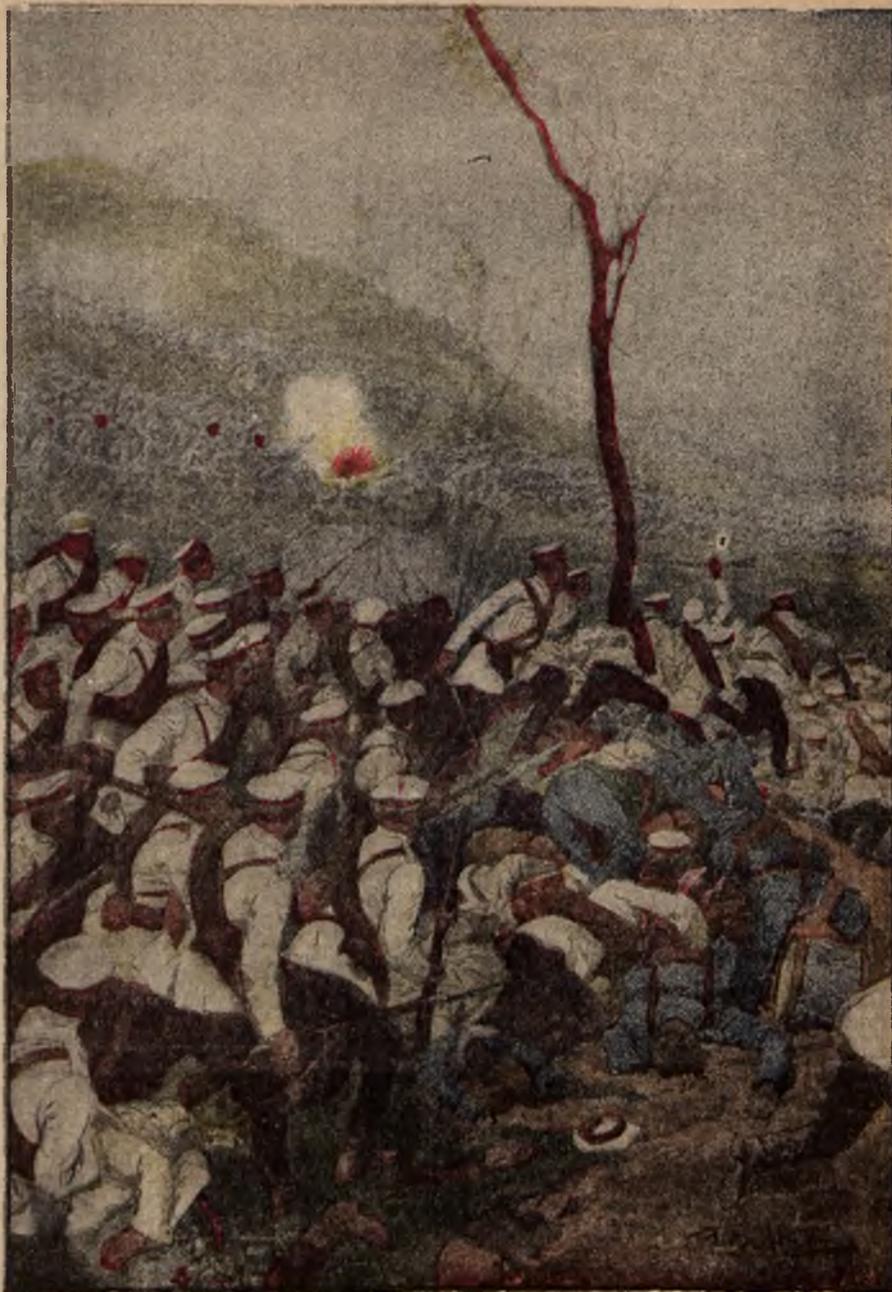
По дорогѣ мы встрѣчаемъ процессію: впереди старенькій деревенскій греческій попикъ съ крестомъ, позади нѣсколько простолюдиновъ съ хоругвями и иконами, нѣсколько женщинъ и очень много мальчиковъ, цѣлая орава. Это крестный ходъ, и мальчики тутъ не причемъ, но какая же это была бы процессія, еслибъ къ пей не пристегивались по дорогѣ всѣ встрѣчавшіеся мальчики? Вбѣгутъ торопливо, словно по дѣлу спѣшать, и у попика отъ быстрой ходьбы, даже фалды рясы взлетаютъ и надуваются, какъ паруса подъ вѣтромъ.

Мы спрашиваемъ у греческаго священника, только что сѣвшаго въ Аѣнахъ, по какому случаю крестный ходъ, не по случаю ли войны?

Тотъ мотааетъ отрицательно головой.

— Тифусъ! — коротко говоритъ онъ не то по латыни, не то по русски.

Оказывается, въ Аѣнахъ и Пиреѣ свирѣпствуетъ тифъ, и пельзя ни цитъ

Побѣдоносная атака русскими войсками отступающаго австріякаго корпуса.

воды, ни ѣсть фруктовъ, великолѣпныхъ, сочныхъ, впитавшихъ все золото южнаго солнца фруктовъ, которыхъ тутъ такъ много, что за одну драхму вамъ дадутъ цѣлую корзину чего угодно: персиковъ, абрикосовъ, винограда.

Мы продолжаемъ уже бесѣду со священникомъ, пытаюсь добыть у него, какъ у мѣстнаго жителя, болѣе существенныя для насъ свѣдѣнія. Мы спрашиваемъ его, неизвѣстно ли ему что-нибудь относительно пароходовъ, какіе мы можемъ застать теперь въ Пиреѣ, куда они идутъ и когда отходятъ?

Батюшка—у него маленькое, до того заросшее волосами, лицо, что уши и носъ кажутся мехнатыми, какъ у звѣря, а живые темные глазки, подъ кустистыми бровями—юркими мышами, которые запутались въ волосяныхъ гнѣздахъ, и никакъ не могутъ выбраться—улыбается въ отвѣтъ. Онъ говоритъ

по русски, но очень скверно, и на скверномъ русскомъ языкѣ онъ высказываетъ такое мнѣніе, что врядъ ли мы чего-нибудь добьемся. Куда пароходы пойдутъ отсюда?

— А въ Турцію?

— Не можно.

По мнѣнію батюшки, турки не такіе, чтобъ пропустить теперь пароходъ съ русскими. Да и вообще, какіе-жъ это люди-турки? Батюшка—грекъ съ головы до ногъ и, какъ грекъ, онъ не можетъ простить туркамъ, что они владѣютъ Константинополемъ, главнымъ образомъ Ая-Софіей. Онъ увѣренъ, что война съ Турціей непременно будетъ, и если Турція не объявитъ войны Греціи, Греція объявитъ войну Турціи... Что же касается нашего вопроса—возвращается онъ къ темъ,—то на рейдъ и подходящихъ пароходовъ нѣтъ, да и Дардавеллы закрыты. Какой же капи-

тань рискнуть пуститься въ такой безцѣльный путь?

Пирей уже близко, и въ гавани, которую мы видим издали, мы дѣйствительно не замѣчаемъ того движенія, — спускающіеся катерки, баркасы — и того дѣса мачтъ, пароходныхъ трубъ и флаговъ, которые такъ характерны для всякой гавани, живущей полной жизнью.

Стоять мелкія суденышки, похожія на наши чухонскія лайбы, нѣсколько пароходиковъ, съ пустынными палубами, видимо, безнадежно застрявшихъ, и одинъ пароходъ побольше, единственный, который подаетъ нѣкоторые признаки жизни: изъ его трубы бѣжитъ тоненькой струйкой дымъ, а на его палубѣ стоятъ люди въ фескахъ и чалмахъ.

Въ бинокль можно разобрать на его черномъ борту крупную, сѣдланную золотыми буквами, надпись: «Османіе».

Мы рѣшаемъ, что это пароходъ турецкій, но батюшка добродушно насъ направляетъ:

— Не столь турецкій, сколь египетскій!

И онъ указываетъ на развѣвующійся на пароходѣ англійскій флагъ. Попутно же онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности, какія успѣлъ узнать. «Османіе» принадлежитъ англо-египетской компаніи и пришелъ три дня тому назадъ, пришелъ бодрый, полный энергии, съ тѣмъ, чтобъ немедленно идти дальше въ Константинополь и еще дальше, въ Одессу. И вотъ три дня стоитъ. И всѣ три дня подъ парами, потому что англійскій консулъ не знаетъ, что посоветовать капитану, и то спѣшно даетъ знать, чтобъ снима-

лись съ якоря, потому что все благополучно, то также спѣшно даетъ знать, чтобъ поднятый якорь сейчасъ же опять бросили, потому что не все благополучно.

И такъ нѣсколько разъ въ день, ибо нѣсколько разъ въ день консулъ посылаетъ куда-то телеграммы и нѣсколько разъ въ день получаетъ самые противорѣчивые отвѣты.

— Вотъ каково настоящее положеніе дѣла, — заканчиваетъ батюшка свое повѣствованіе.

Изъ его словъ, однако, мы дѣлаемъ такой выводъ: разъ держать большой пароходъ три дня подъ парами и всѣ эти три дня телеграфно съ кѣмъ-то переговариваются о Дарданеллахъ — запросъ съ Дарданеллами еще не окончательно рѣшенъ.

И опять появляется у насъ слабый лучъ надежды.

Мы распределяемъ межъ собой роли: прїедемъ въ Пирей, — часть изъ насъ сейчасъ же пойдетъ къ русскому консулу и возьметъ его мертвой хваткой — выкладывая всѣ свѣдѣнія до одного и во чтобы то ни стало устроитъ насъ. Часть объѣдетъ пароходныя агентства и наведетъ самыя точнѣйшія справки обо всѣхъ пароходахъ, находящихся на рейдѣ и имѣющихъ прибыть. Часть же останется на вокзалѣ съ вещами и будетъ ждать прихода остальныхъ, чтобы вѣтомъ вмѣстѣ отправиться въ гостиницу на ночлегъ.

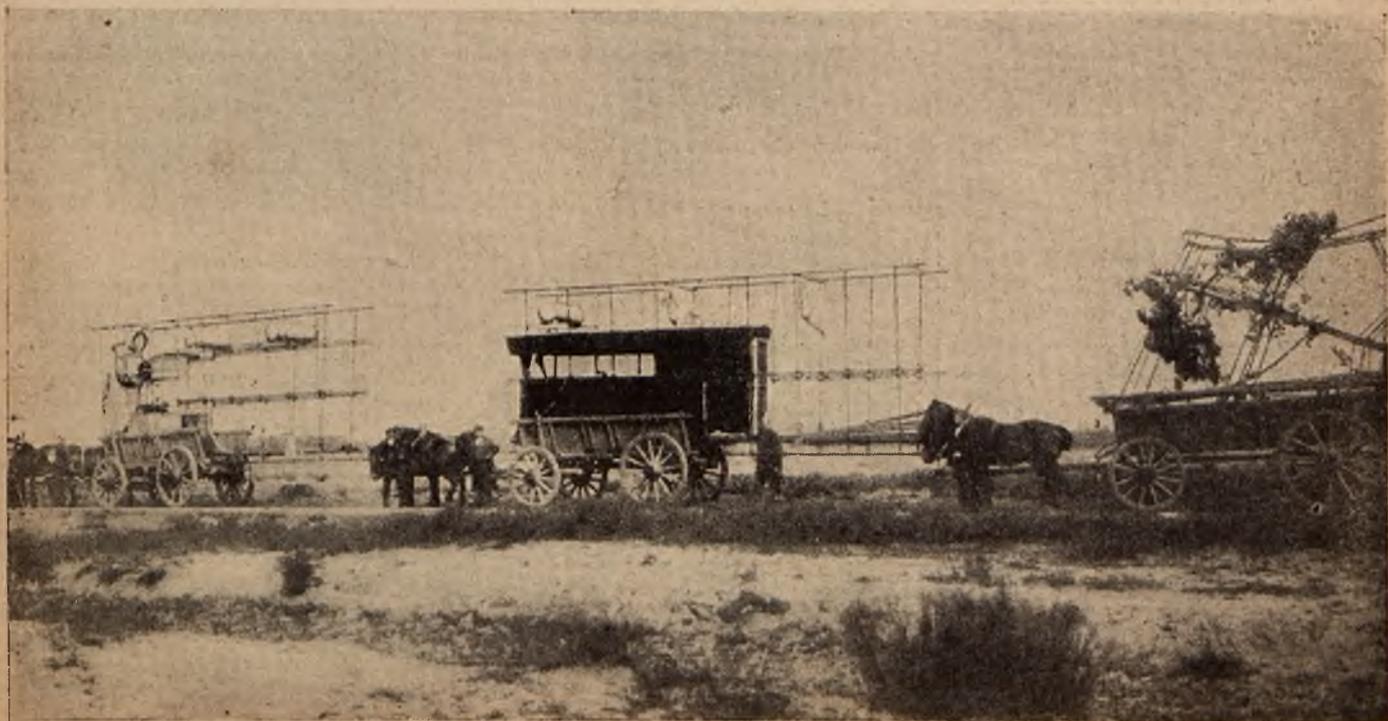
Объ этомъ послѣднемъ мы изстуженно мечтаемъ всю дорогу. Пятеро сутокъ мы почти не спали, не вытягивали, какъ слѣдуетъ, ногъ, не раздѣвались, и порядочная, съ сноснымъ бѣльемъ, постель

на прочномъ порядочномъ честномъ полу, который не можетъ надуть васъ и, внезапно, какъ полъ каюты, стать стоймя и превратиться въ стѣну — все, что намъ хочется. Больше намъ ничего не нужно. Спать, спать, спать, вытянуться и спать...

Мелькаетъ еще ребкая, сама себя конфузящаяся, мысль о вапшѣ, но объ этомъ мы мечтаемъ уже тайно, каждый про себя, каждый боится высказать эту мечту вслухъ, чтобъ не соблазнить другого, и, между прочимъ, совершенно не вѣря, чтобъ такая мечта, вообще, была исполнима: счастье вѣдь дается крупицами, а не полными горстями.

Поездъ, между тѣмъ, подходит уже къ Пирею, уже гудитъ паровозъ, давая сигналы, и на ходу еще насъ начинаютъ душить особый портовый запахъ, не знаю, свойственный ли одному только Пирею или всѣмъ выгорѣвшему углю, здѣсь смѣшанный еще съ запахомъ какого-то ужаснаго растительнаго масла, тяжелый, убійственный запахъ, отъ котораго нельзя отдѣлаться и который начинаютъ васъ преслѣдовать, какъ комаръ. Онъ набивается вамъ въ носъ, забирается въ легкія, пронизываетъ всѣ поры вашего тѣла, и вы теряете способность воспринимать какой-нибудь другой запахъ. Только этотъ владычествуетъ надъ всѣмъ. Имъ пропитаны дома, улицы, люди, а послѣдствіемъ мы убѣдились, что имъ же пропитаны и чай, и супъ, и мясо, и сладкое, словомъ все, къ чему бы вы ни прикоснулись...

Поездъ останавливается, наконецъ. Мы въ Пирей.

Какъ нѣмцы перевозятъ свои аэропланы къ передовымъ позиціямъ.

Злой геній Турціи—германскій посолъ въ Константинополь баронъ Вагенгеймъ, руководящій всѣми турецкими выступленіями противъ державъ тройственнаго согласія.

Согласно условію, мы съ мѣста же расходимся, и я, да нѣсколько еще женщинъ, остаемся одни около безпорядочно вываленныхъ изъ вагона вещей.

Вещи вывалены тутъ же у полотна, ибо въ Пирей, какъ и въ Патрасъ, никакого вокзала нѣтъ. Только площадь, захватывающая рельсовые пути, желѣзнодорожныя мастерскія, депо, водокачку и т. д. обведена невысокой каменной стѣной и гдѣ-то, далеко-далеко, впереди виднѣются ворота. Даже простыхъ скамеекъ нѣтъ и намъ приходится караулить вещи стоя.

Сколько мы простоямъ тутъ, неизвѣстно, но тутъ нашъ сборный пунктъ, и мы не смѣемъ двинуться съ мѣста изъ боязни растеряться потомъ.

И мы стоимъ.

Мимо насъ шмыгаетъ всякій народъ, и мало-по-малу мы начинаемъ обращать на себя сердобольное вниманіе то одного, то другого. Со стороны, вѣроятно, дѣлается яснымъ, что мы иностранцы и довольно неплѣныя иностранцы, которыми не грѣхъ помочь.

Къ намъ подходитъ сухошавый и черномазый грекъ съ внушительнымъ носомъ и пробуетъ узнать, кто мы такіе, что намъ нужно и почему мы стоимъ, загораживая всѣмъ дорогу. То есть, мы думаемъ, что онъ именно объ этомъ насъ спрашиваетъ, потому что понять его мы не можемъ.

Мы безпомощно улыбаемся въ отвѣтъ. Онъ тоже улыбается, но не столь безпомощно и, видимо, считаетъ какое-то дѣло рѣшеннымъ. Жестомъ онъ подзы-

ваетъ къ себѣ двухъ оборванцевъ, которые, стоя поодаль, давно ужъ смотрятъ на насъ своими выпученными страшными греческими глазами, что-то говорить имъ, тѣ стремительно куда-то несутся и черезъ минуту возвращаются, весело катя передъ собою пустую тележку.

Ни о чемъ насъ не спрашивая и, вообще, ни о чемъ не говоря, оборванцы хватаютъ наши вещи и, несмотря на самые энергичные наши протесты—ибо мы не знаемъ, что они хотятъ съ нами дѣлать, куда вести, да и уходить намъ

Японскій адмиралъ.

Адмиралъ Курой, главный начальникъ японскаго флота, осаждающаго Цинь-Дао.

нельзя—быстрые и ловкіе, какъ обезьяны, меньше чѣмъ въ пять минутъ нагружаютъ тележку, запихивая что куда и какъ попало, не помѣтившіяся вещи берутъ подъ мышки и въ руки и несутся въ другую сторону къ воротамъ, ничуть не интересуясь тѣмъ, бѣжимъ мы за ними, или нѣтъ.

Грекъ съ внушительнымъ носомъ, глядя на наши растерянные лица, продолжаетъ улыбаться и, видимо, хочетъ насъ успокоить. Онъ огорченъ тѣмъ, что мы такъ волнуемся. Онъ не желаетъ намъ зла. Онъ приноситъ довольно длинную рѣчь, изъ которой мы выуживаемъ одно понятное намъ слово: «hotel».

Я указываю на песущіяся впереди вещи и переспрашиваю для вѣрности:

— Hotel?

Онъ киваетъ головой и шире улыба-

ется, счастливый тѣмъ, что я такой сообразительный. И добавляетъ:

— Olympia.

Итакъ насъ ведутъ въ hotel Олимпія.

Мы поглядываемъ другъ на друга. Мы не знаемъ, хорошо все обернулось, или нѣтъ. Мы измучены, грязны, голодны, мы умираемъ отъ жажды. Слѣдовательно, съ одной стороны хорошо, что мы не будемъ больше стоять, что мы избавлены въ будущемъ отъ поисковъ, и, можетъ быть, черезъ какихъ-нибудь десять минутъ будемъ въ гостиницѣ, гдѣ найдемъ и воду, чтобъ помыться, и чай, и ужинъ, и чистыя постели.

Съ другой стороны мы ушли со сборнаго пункта, и это нехорошо. И мы рѣшаемъ, что изъ гостиницы, которая, вѣроятно, гдѣ-нибудь близко—иначе бы насъ не вели, а везли—кто-нибудь сейчасъ же сюда вернется, чтобъ встрѣтить остальныхъ.

И рѣшивъ это, мы ужъ совершенно успокаиваемся и безъ малѣйшаго предчувствія того, на что мы идемъ, съ послѣднимъ подъемомъ бодрости, шагаемъ за оборванцами, которые опередили уже насъ чуть ли не на полверсты, проходимъ вслѣдъ за ними въ ворота и попадаемъ въ Пирей.

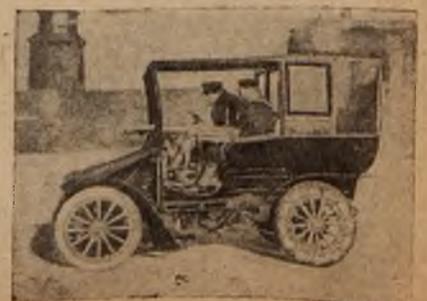
Левъ Максимъ.

(Прод. въ слѣд. ном.).

Оригинальные загражденія.

Опрокинутый билліардъ на улицахъ Брюсселя, служившій своего рода баррикадой бельгійскимъ храбрецамъ, при вступленіи германскаго отряда.

Англійскій автомобиль съ пулеметомъ.

ЛОДКА № 17.

(Памяти лейтенанта Шельтона).

— У вас все в исправности, лейтенантъ?

— Совершенно, господинъ адмираль... Я каждый день опускаюсь съ учебной цѣлью и если-бы что-нибудь за это время..

— Хорошо, лейтенантъ... Я увѣренъ, что если вы ручаетесь, на васъ можно положиться. Сегодня ночью вы выйдете изъ порта по направлению къ первой линіи загражденій. Вотъ приказъ.

Адмираль Бекрейсъ передалъ Шельтону длинный, плотный конвертъ съ тяжелой печатью адмиралтейства.

— Прочтете, когда будете въ морѣ. Командовать лодкой будете вы. Капитанъ останется у меня,—ему есть другое порученіе.

— Въ одиннадцать ровно меня уже здѣсь не будетъ. До свиданья, господинъ адмираль.

— Прощайте, Шельтонъ,—адмираль ласково улыбнулся и протянулъ ему руку,—черезъ два дня надѣюсь здѣсь же выслушать отъ васъ докладъ объ удачномъ дѣлѣ...

Шельтонъ тихо поклонился и вышелъ изъ кабинета. По сухому, бритому, немного старому лицу его, пока онъ шелъ по улицѣ, лежала какая-то неопредѣленная улыбка... Это была улыбка ожиданія, когда человекъ не знаетъ радости, большую или долгую, или темный ужасъ смерти принесетъ завтрашній день.

— Шельтонъ! Отъ адмирала?

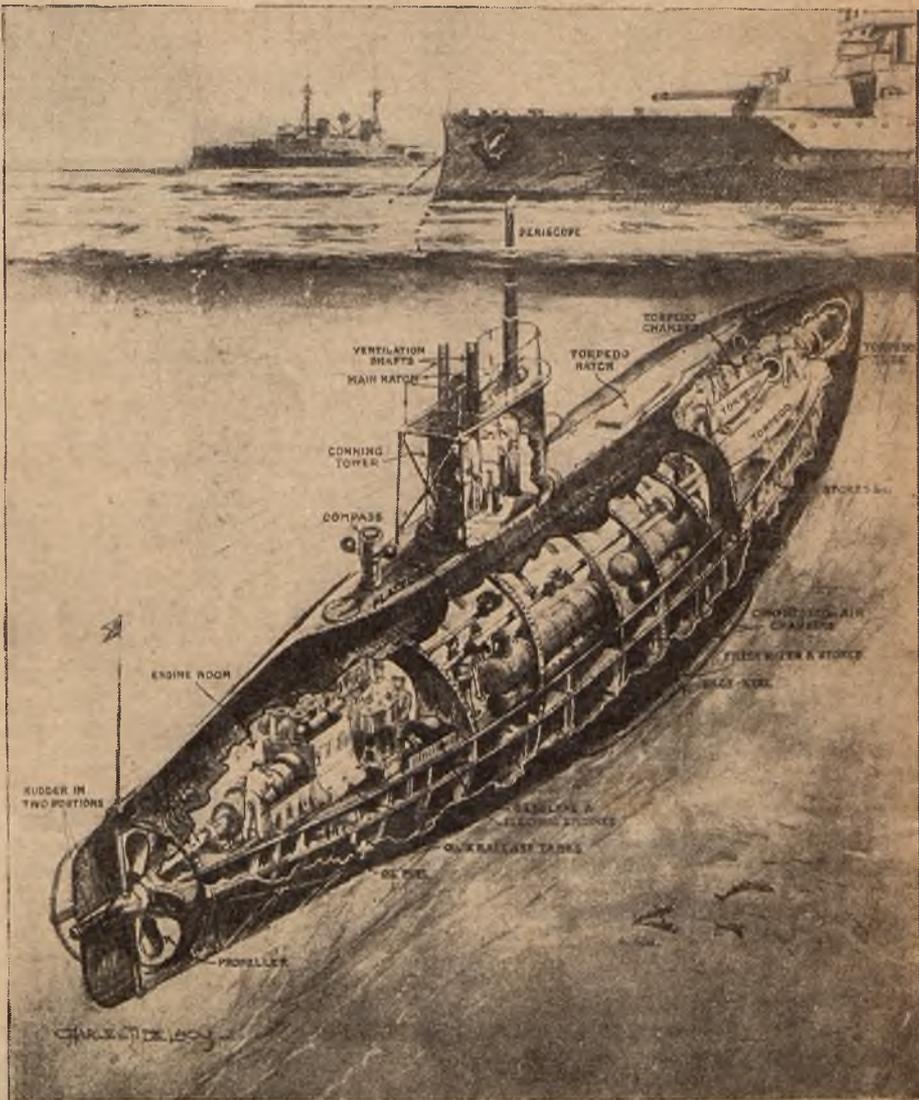
Шельтонъ вздрогнулъ отъ неожиданности чужого голоса.

— Ахъ, это вы, Гарри... Да, порученіе,—и онъ похлопалъ по лѣвому борту тужурки, гдѣ лежалъ пакетъ.

— Въ море?

— Да. Должно быть атака. Прощайте.

— Всякаго успѣха, Шельтонъ. Послѣ расскажите...

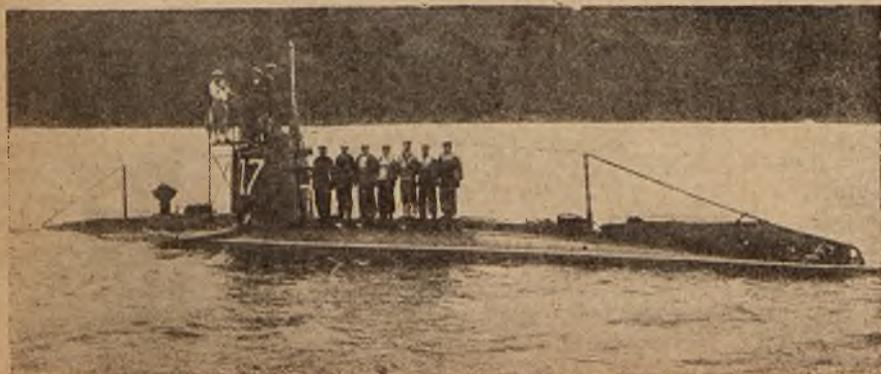
Англійская подводная лодка—ея внутренній видъ. На снимкѣ вся боевая жизнь лодки во время нападенія на броненосецъ.

За обѣдомъ Шельтонъ ничего не могъ сѣть. Онъ разсѣянно стряхивалъ пепелъ не во-время закуренной сигары въ

тарелку, не слышалъ обращенныхъ къ нему вопросовъ горничной. Пакетъ, который лежалъ сбоку, казался такимъ большимъ и тяжелымъ, какъ будто бы въ немъ была налита ртуть; ни одной фразы, что въ немъ была написана, Шельтонъ не зналъ. И отъ сознанія, что плотная бумага съ печатью адмиралтейства велитъ ему умереть тихо и обидно-незамѣтно,—становилось горько на душѣ.

Лейтенантъ Шельтонъ позвонилъ.

— Слушайте! Я вернусь черезъ два дня. Да, да, не раньше. Если-бы я почему либо не вернулся, что дѣлать съ письмами вы знаете? Хорошо. Теперь положите мнѣ въ сумочку сигаръ. Не тѣхъ...

Англійская подводная лодка, поднимающаяся на поверхность моря.

Чей-то голосъ изъ трубки, змѣей на

Обломки статуй, украшавших Реймский собор и обвалившихся во время бомбардировки.

Немцы во Францию. Городь Креиль послѣ бомбардировки.

гнувшейся надъ капитанскимъ столикомъ глухо спросилъ:

— Все готово, значить?

— Все, все, — крикнулъ въ трубку Шельтонъ, — я уже смотрѣлъ. Опускайте.

Какъ мрачная стальная игрушка, брошенная ребенкомъ въ воду, подводная лодка «№ 17» медленно опустилась. У бортовъ глухо зарокотала вода; Шельтонъ повернулъ кнопку, и маленькая каютка, гдѣ онъ стоялъ около стола съ десятками рычаговъ и кнопокъ, наполнилась яркимъ электрическимъ свѣтомъ.

— На шесть узловъ? — Да, да... Я скажу, снова крикнулъ Шельтонъ въ трубку, — пришлите Драйтинга. Онъ мнѣ нуженъ...

Драйтингъ занялъ мѣсто Шельтона, который принялъ лицомъ къ толстому стеклу наблюдательнаго пункта, и лодка, вздрогнувъ, врѣзалась въ водяную толщу.

Два яркихъ прожектора разбрасывали впереди двѣ громадныя струи свѣта, окрашивавшія воду въ странный фантастическій свѣтъ.

— Вы смотрите, Драйтингъ?

— Смотрю, лейтенантъ. Я знаю это мѣсто.

Шли по пространству, густо заставленному минами. Неловкій поворотъ и легкая лодка разлетится на тысячу желѣзныхъ и стальныхъ кусковъ. Четырнадцать глазъ маленькаго экипажа, четырнадцать сжавшихся между собой людей зависѣли отъ руки хмуро склонившагося надъ столомъ Драйтинга. Но Шельтонъ былъ спокоенъ; его не интересовало сейчасъ ничего въ мѣрѣ, кромѣ пакета, къ которому онъ осторожно изрѣдка прирагивался рукой.

Еще нѣсколько десятковъ узловъ и пакетъ перестанетъ быть таинственнымъ и жуткимъ. Шельтонъ закурилъ сигару и снова прильнулъ къ стеклу.

Въ маленькой каюткѣ было сосредоточенно тихо. Только желѣзнымъ стукомъ отзывался какой-нибудь рычагъ подъ рукой Драйтинга и рѣзко звучалъ его

голосъ въ трубку къ какому-то человѣку, отъ котораго зависѣло пырнуть-ли лодка еще глубже въ мелкое мѣсто воды, или, наклонивъ корму, вскинется кверху..

— Лейтенантъ...

Шельтонъ не отрывался отъ стекла.

— Лейтенантъ...

— А? — Шельтонъ какъ-будто оторвался отъ какого-то тяжелаго сна. — Что, Драйтингъ?

— Первая линия загражденій пройдена.. Мы далеко отъ берега...

Шельтонъ почувствовалъ, какъ у него сжалось сердце и отъ волненія дрогнули руки. Онъ быстро вынулъ конвертъ, надорвалъ его неровно и вынулъ приказъ.

Огонекъ внезапной радости мелькнулъ у него въ глазахъ, но лейтенантъ быстро затыкнулся сигарнымъ дымомъ и съ улыбкой взглянулъ на Драйтинга.

— Ну, дружище, это проклятое ожи-

даніе кончилось... Завтра будемъ въ бою...

Драйтингъ со жгучимъ любопытствомъ посмотрѣлъ на Шельтона.

— Мы должны разыскать «Гамбургъ» и «Пруссію»... Когда разыщемъ, вы понимаете...

— Ну, конечно, — улыбнулся и Драйтингъ, — я понимаю, что мы будемъ дѣлать... Дѣло хорошее, лейтенантъ. — И, немного подумавъ, онъ добавилъ серьезно, — очнь хорошее дѣло... Вамъ везеть...

Шельтонъ радостно потеръ руки. Все, что томило его въ этотъ день, разрушилось простотой приказа, и нервы улеглись совершенно. Теперь все ясно, — теперь проснется другое, охотничье чувство, которое убьетъ всѣ, даже тревогу за послѣдствія.

— Ну, Драйтингъ... Прибавьте-ка еще два узла... Надо торопиться... Такъ ма-

Японскій десантъ подходитъ къ одному изъ фортовъ Цинь-Дао.

Внутренность санитарного автомобиля съ ранеными.
(Фот. К. Булла).

Студенты добровольцы-санитары, занятые переноской раненыхъ.
(Фот. К. Булла).

ленькое стальное жало, мчалось въ глухую ночь, чтобы раздробить два стальныхъ гиганта, чтобы кинуть въ такую-же глухую и темную почву два рѣзкихъ удара въ сердце врага. Подводная лодка «№ 17» шла, чтобы у однихъ создавать смерть и ужасъ, у другихъ всколыхнуть сердце гордостью и босвымъ счастьемъ.

* * *

— Лейтенантъ, лейтенантъ... Они видны...

Шельтонъ вскочилъ съ койки.

— Оба?

— Оба. На развѣдкахъ. Около нихъ миноносцы.

— Скорѣй тушите огни.

— Потушены, лейтенантъ.

— Спасибо, Драйтингъ,—и Шельтонъ нежалъ руку своему помощнику,—идемте.

На такомъ разстояніи, на какомъ даже слабая стекла бинокля неувидели-бы замѣтить ихъ, стояли двѣ стальные громады. Нѣмецкіе крейсера не ожидали нападенія, и ослѣпительный свѣтъ прожекторовъ образовывалъ кругъ только у самыхъ бортовъ, у которыхъ надъ чѣмъ-то работали миноносцы и траллеры.

— Они разбрасываютъ мины,—злобо проворчалъ Драйтингъ.

Шельтонъ приподнялъ воротникъ у тужурки. Легкая дрожь нетерпѣнія пробѣжала по спинѣ.

— Подъемемся наверхъ, Драйтингъ... Они не замѣтятъ насъ... Мы лучше ихъ раземотримъ... Который «Гамбургъ»?

— Налѣво... больше который... Я отдаю приказаніе, лейтенантъ...

Какъ ошеломленная рыба, всплыла подводная лодка на поверхность моря. Глухо шелкнула крышка башенки и высунувшимся Шельтону и Драйтингу пахнуло въ лица рѣзкій морской вѣтеръ, съ крупными каплями воды.

— Хорошо,—невольно вырвалось у Шельтона,—хорошо подышать послѣ нашей каюты...

— Скорѣй, лейтенантъ... Мы можемъ упустить моментъ...

— Ничего, Драйтингъ... Мы успѣемъ... Первый зарядъ «Пруссія»... Если ей понадобится второй, его уже послѣ «Гамбурга»... Ну, съ Богомъ.—Крышка снова хлопнула, и «№ 17» рѣзко опустился внизъ. Тихая лодка ожила. Гдѣ-то зашеселились рычаги, задрезжала сталь и забѣгали люди. Медленно лавируя, стальная рыба приблизилась къ

Румынскій премьеръ-министръ Майореску, руководитель румынской политики, сторонникъ полного нейтралитета Румыніи.

стальной громадѣ, на кормѣ которой вѣтеръ бѣшено рвалъ большой флагъ...

— Готово, лейтенантъ...

Шельтонъ чувствовалъ, что вся, такъ знакомая, обстановка каюты, уходитъ изъ поля его зрѣнія. Ему казалось, что онъ задыхается отъ напряженія въ этой водѣ окружающей лодку, что онъ одинъ пробирается къ стальному дну крейсера.

— Стрѣлай,—хрипло крикнулъ онъ. — Есть — коротко прозвучалъ такой-же взволнованный голосъ. Лодку немного откинуло назадъ.

Секунды, пока проходила мина, росли, росли и становились чудовищно долгими.

Драйтингъ, до боли сжавъ губы, прильнулъ къ окну.

— Готово!—перво крикнулъ лейтенантъ!—Готово!..

Далекій отдаленный взрывъ, какъ въ шахтѣ, долетѣлъ до маленькой каюты номера «17-го».

— Ничего не видно,—кинулъ Драйтингъ, отрываясь отъ окна,—такая тьма... Нужно-бы вторую...

— Нѣтъ, нѣтъ, Драйтингъ... Сначала въ тотъ...

Тѣ-же движенія, тотъ-же визгъ передвигаемой стали, тѣ-же слова и такой-же глухой, на этотъ разъ еще болѣе далекій, ударъ...

— Второй готовъ...

У Шельтона кружилась голова. Задоръ боя ударилъ въ сердце и хотѣлось вырваться изъ тѣсной каюты, бѣжать скорѣй туда, гдѣ отъ его удара погибли два лучшихъ неприятельскихъ крейсера.

— Подъемемся... Подъемемся, Драйтингъ, опять...

— Слушаю, лейтенантъ...

* * *

Чудовищная и кроваво-красивая картина всплыла передъ глазами Шельтона, когда онъ лихорадочнымъ движеніемъ приподнялся надъ боевой башенкой и навелъ подзорную трубу на гибнущіе гиганты...

«Гамбургъ» покорно и глухо уже шелько дну. Одна изъ миноносокъ, какъ напуганная птица въ горахъ, послалась взадъ и впередъ около погружающихся стальныхъ бортовъ... «Пруссія» еще боролась съ неминуемой гибелью; корма грандіознаго крейсера медленно погружалась въ воду, но на ярко освѣщенномъ

Жестокости немцев надъ русскими подданными. Внутренний дворъ тюрьмы въ Жулембахъ, гдѣ немцы нѣсколько дней держали 400 челоѡкъ мирныхъ русскихъ подданныхъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ—находившихся на курортахъ Германіи.

посу толпились груды людей, почему-то размахивавшихъ руками и безтолково сыргивающихъ въ воду. Съ бортовъ вспыхивали узкіе огни выстрѣловъ и нѣсколько снарядовъ пролетѣли недалеко отъ «№ 17». Смертельно раненый крейсера умиралъ, но въ агоніи хотѣлъ еще паести ударъ врагу, котораго замѣтилъ.

— Насъ увидѣли, лейтенантъ,—заглушая шумъ воды, крикнулъ Драйтингъ.

Но Шельтонъ молчалъ. Онъ смотрѣлъ на мѣсто гибели, и первый разъ Драйтингъ могъ увидѣть на сухомъ, безстрастномъ лицѣ слезы. Лейтенантъ Шельтонъ плакалъ отъ счастья. Неуловимые гиганты, громившіе въ теченіе цѣлаго мѣсяца пароходы съ его соотечественниками, пойманы... Это онъ, лейтенантъ англійскаго флота, Шельтонъ, Грегуаръ Шельтонъ нанесъ врагу непоправимый ударъ. Это онъ, богъ моря, выплывъ изъ его глубинъ, какъ возмездіе, потопилъ стальныхъ разбойниковъ...

— Идемте, лейтенантъ... Я говорю вамъ, насъ увидѣли...

— Драйтингъ... Неужели вы не понимаете... Вы правы, Драйтингъ, вы правы... Опустимся.

Лодка «№ 17» нырнула въ глубину...

Недавно я прочелъ, что лейтенантъ Шельтонъ погибъ во время спасанія гибнущихъ непріятельскихъ матросовъ. Миръ твоему праху, лейтенантъ. Сейчасъ слишкомъ суровое время, чтобы помпить героевъ... Но когда спадетъ

пелена ужасовъ и твоя родина вспомнитъ тѣхъ, кто положилъ за нее жизнь, имя твое—Шельтонъ, Грегуаръ Шельтонъ, вырѣжется на гранитъ... Миръ твоему праху.

Л. Аркадскій.

СКОРБЬ.

(Изъ бельгійскаго поэта Валера Жилля).

Знай—въ скорби нашей скрытъ Вселенной смыслъ конечный;
Источникъ жизни въ ней—цвѣтущей, мощной, вѣчной...
Жить—то же, что желать, стремиться—и *скорбѣть!*
И знай: мы радости завѣтныя имѣтъ,

Не будь и скорбныхъ дней, пытались бы напрасно.
Намъ нуженъ темный фонъ, чтобъ видѣть искру ясно;
Всю красоту веснѣ даетъ одна зима;
Отъ свѣта яркаго неотдѣлима тьма...

Но, если нѣтъ для насъ отрады—безъ мученья,
И счастье свѣтлое яснѣе отъ сравненья
Съ удѣломъ грустнымъ жертвъ, раздавленныхъ судьбой,
То смысла не ищи ты въ долѣ роковой,—

Но помни, если скорь всю душу охватила,
Что лишь во тьмѣ ночной сіяютъ намъ свѣтила!..

Юрій Веселовскій.

У раненыхъ героевъ.

Въ отдѣльной комнаткѣ, съ окрашенными свѣтлой, масляной краской стѣнами, находится раненый офицеръ-артиллеристъ Б. Заходимъ къ нему. Въ комнаткѣ жена раненаго, докторъ и сестра. Офицеръ радушно пожимаетъ намъ руки и продолжаетъ прерванный нашимъ приходомъ разговоръ:

— Ну, подхожу я къ костру. Смѣхъ затихъ. У огня, вижу, взяты двѣ фигуры

указываютъ они на суетящихся у огня фигуры.

— Кто такіе?—фигуры оборачиваются и вижу улыбающіяся лица.

— Такъ что наши денщики, ваше благородіе,—бойко рапортуетъ одинъ изъ нашихъ.

— Какъ денщики?

— Точно такъ, ваше благородіе, такъ что плѣнные австрійцы.

— Почему же вы ихъ не отправите?

— Да вотъ приведутъ ихъ еще, ваше благородіе, тогда и отправимъ вмѣстѣ, а теперь пусть ужъ послужатъ.

Спрашиваю у Б., какъ онъ былъ раненъ.

смотря на тяжелую рану, онъ остритъ, балагуритъ и потѣшаетъ собравшихся вокругъ него товарищей.

«Сестрицы» на него жалуются:

— Не хочеть полежать минуточки на мѣстѣ.

Сначала онъ дичится насъ, но затѣмъ охотно рассказываетъ:

— Нѣмцы что?!.. Не сурьезный врагъ. они обманомъ больше. Залягутъ въ окопы, головы наклоняютъ, да, не цѣлясь, и стрѣляютъ. А какъ бросишься на нихъ въ штыки, только крикъ услышать и бѣгутъ, пятки лишь сверкаютъ. Да и злобные они очень. Бѣжимъ мы однажды

Раненые въ лазаретѣ института экспериментальной медицины. Письмо на родину.
(Фот. С. А. Магазипера).

Раненаго бреютъ.
(Фот. С. А. Магазипера).

въ австрійскихъ шинеляхъ. Одинъ подбрасываетъ въ огонь щепки, а другой что-то мѣшаетъ ложкой въ кастрюль. Австрійскія шинели меня не удивили. Наступили прохладные вечера, и наши солдаты часто накидывали себѣ на плечи шинели, массами брошенные на дорогѣ австрійцами при послѣднемъ отступленіи.

— Надъ чѣмъ смѣетесь, братцы?—задалъ я имъ вопросъ.

— Да надъ ими, ваше благородіе,—

— Э, пустяки! Рана совсѣмъ легкая, только вотъ пулю все еще не вынули. Говорятъ, подкрѣпиться надо, а я уже чувствую себя совсѣмъ здоровымъ. Хожу, почти не хромя. Вотъ на-дняхъ пулю вытащатъ и поѣду обратно. Вы посмотрите, гдѣ я уже былъ,—и онъ показываетъ на большой картѣ, висящей надъ его кроватью, мѣстечко около Львова.

Въ одной изъ палатъ слышались взрывы хохота. Тамъ лежитъ общій любимецъ лазарета, молодой солдатъ «Ваня». Не-

въ атаку, лежитъ раненый нѣмецъ, чуть силъ хватило подняться, а туда же, моего товарища по ногамъ прикладомъ хлопнулъ. А не то придешь въ городъ, а они изъ оконъ дробью садятъ или же изъ револьверовъ.

Говоритъ онъ о нѣмцахъ добродушно, слегка презрительнымъ тономъ, и совершенно не замѣчается въ немъ злобы противъ тѣхъ, которые приковали его къ постели.

С. Шевляковъ.

«Вотъ здѣсь мы разбились непріятеля» — раненый слѣдитъ по картѣ за ходомъ событий.
(Фот. С. А. Магазипера)

Развлеченія.
(Фот. С. А. Магазипера).

Локомотивъ „L 28“

(Письмо изъ Бельгіи).

I.

Среди тысячъ плѣнныхъ, захваченныхъ нѣмцами, былъ желѣзнодорожный машинистъ Танъ Рувье.

Въ десять лѣтъ Рувье попалъ на желѣзную дорогу. Смѣшленнаго мальчика черезъ годъ отдали въ желѣзнодорожную школу, и къ двадцати пяти годамъ Рувье былъ машинистомъ перваго класса, ѣздивъ отъ Льежа до Брюсселя на быстромъ восьмиколесномъ «L 28» съ парижскимъ экспрессомъ.

Рувье любилъ свое дѣло. Какъ это часто встрѣчается среди техниковъ, онъ обожалъ свой «L 28», зналъ каждый винтикъ громаднаго локомотива, любовно, съ какой-то особенной нѣжностью, чистилъ и собиралъ различные трубки, краны, рычаги и манометры. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ машинистовъ своего депо. Когда король пріѣзжалъ въ Льежъ, Рувье велъ королевскій поѣздъ. И въ праздникъ всегда вставлялъ въ петлицу кокетливую орденскую розетку.

Для Рувье вся жизнь сосредоточивалась въ тѣсномъ кругу желѣзнодорожнаго дѣла. Онъ любилъ его, зналъ досконально отъ рычаговъ своего «L 28» до телеграфнаго алфавита и почти цѣлый день проводилъ въ дѣловой сутолокѣ станціоннаго шума. Жилъ онъ въ маленькомъ домикѣ, рядомъ съ полотномъ.

II.

Началась война. Работы—масса! Рувье вырывался домой на какіе-нибудь четверть часа поговорить съ женой, поцѣловать крошечнаго Роберта, и сейчасъ же назадъ къ своему пыхтящему паровозу.

День и ночь перевозили войска, боевые припасы, тянулся длинный хвостъ товарныхъ платформъ, на которыхъ покрытыя брезентомъ орудія казались странными неуклюжими животными, которыхъ везутъ въ какой-то нелѣпый, диковинный звѣринецъ. Загремѣли первые выстрѣлы,—и рядомъ съ запасными и пушками, потянулись новенькіе, бѣлые вагоны съ эмблемой утѣшенія—Красный Крестъ...

Рувье съ головой ушелъ въ работу, чувствуя, что и онъ, скромный маленькій рабочій, машинистъ, получающій ка-

Переправа нѣмецкой пѣхоты черезъ рѣку въ бродъ, на границѣ Франціи.

кіе-то двѣсти франковъ, и онъ сейчасъ дѣлаетъ важное, великое дѣло.

— Теперь всѣ нужны,—думалъ онъ.

И съ какой-то особенной серьезностью, съ особымъ сознаниемъ общенароднаго долга цѣлый день трясся на двухъяршинной площадкѣ своего паровоза, не спалъ ночи, впившись глазами въ бѣгающія стрѣлки манометра, сжимая свои рукоятки и краны.

III.

Взять въ плѣн!

Послѣ героической обороны, случилось неизбѣжное. Нѣмцы ворвались въ городъ, уничтожая все и всѣхъ на своемъ пути. Рувье и еще десятокъ рабочихъ взяли въ паровозномъ депо. Безъ оружія, одними молотками и кирками они отчаянно отбивались отъ цѣлага взвода германскихъ солдатъ, хотѣвшихъ все-что-бы то ни стало взять ихъ живьемъ. Въ нѣсколько минутъ борьба была кончена. Всѣхъ связали и заперли въ темномъ сараѣ, среди черныхъ силуэтовъ неподвижныхъ паровозовъ.

Рувье отчаянно отбивался. Какой-то нѣмецъ ударилъ его саблей по рукѣ. Онъ пошатнулся и сбитый съ ногъ черезъ мгновение валялся связанный у тендера своего «L 28».

Наступили часы невыносимой пытки. Раненая рука, въ которую больно впиалась веревка, причиняла ему неимоверныя страданія. А тутъ еще беспокойная неотвязчивая мысль, тревожащая и мучающая душу—«что съ женой, съ ребенкомъ? Гдѣ они?...—Живы ли?..»

Это тоскливое безпокойство по дорогимъ и любимымъ заставляло иногда забывать физическія страданія...

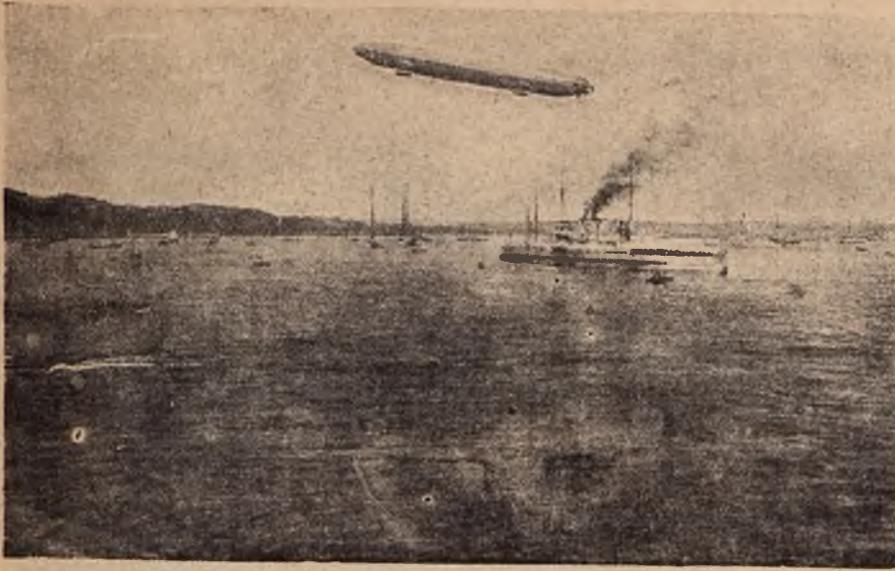
IV.

Рувье, несмотря на раненую руку, заставляли копать землю съ утра до вечера. Однажды утромъ онъ копалъ на полотнѣ у самаго моста.

Въ это время сюда двигалась толпа

Осмотръ нѣмецкихъ солдатъ, посылаемыхъ на развѣдку вплавъ черезъ рѣку.

Въ Килѣ. «Мирная» стоянка боевого германскаго флота, запертаго въ ловушку.

женщины, стариковъ и дѣтей, окруженная конвоемъ. Вели на разстрѣль!..

Рувье смотрѣлъ на нихъ. Какое-то внутреннее, необъяснимое предчувствіе говорило ему страшныя слова. «Они здѣсь! Они здѣсь!»

Взглянулъ и увидѣлъ. Его Ивонна лежала мертвая, а рядъ чѣ валялся окровавленный трупъ ребенка...

Рувье закричалъ. Дико, страшно закричалъ. И этотъ нечеловѣческій вопль смѣшался съ глухой трескотней нѣмецкихъ ружей. Стрѣляли пачками...

V.

Потянулись ужасные дни—трауръ души; лишился жены и ребенка, горе за поруганіе родины и тяжелый каторжный трудъ... Рувье уже двадцатый день былъ въ плѣну.

Какъ-то утромъ его повзвали къ офицеру.

Въ знакомой комнатѣ начальника станціи за столомъ сидѣлъ, развалившись, нѣмецкій полковникъ.

— Вы машинистъ?

— Да...

— Вотъ что: вамъ, навѣрное, еще неизвестно:—наша великая армія уже въ Брюсселѣ и бомбардируетъ Антверпенъ... Сегодня вечеромъ отойдетъ въ Брюссель нашъ военный поѣздъ. Вы поведете паровозъ. Съ вами поѣдутъ два солдата. И при малѣйшей попыткѣ къ измѣнѣ... Вы понимаете?... Ступайте.

Рувье вернулся. Ему позволили заснуть до вечера—хѣтъ вѣдь придется долго, надо отдохнуть.

— Вставай. Пора...

Солдаты вели его на станцію.

VI.

— Моя машина!

Какая странная случайность: къ длинному воинскому поѣзду прицепили его «L 28»...

Пятьдесятъ вагоновъ биткомъ набиты солдатами. Пьяные нѣмцы пѣли пѣсни, то тутъ, то тамъ слышались крики.

— Да здравствуетъ кайзеръ! Да здравствуетъ Германія!..

Рувье поднялся на паровозъ. Рядомъ на площадкѣ двое солдатъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ.

Подошелъ офицеръ.

— Путь свободенъ до 38 километра, тамъ разъѣздъ. Ждите два часа—встрѣчный поѣздъ пойдетъ обратно впереди васъ.

— Хорошо...

Рувье зналъ этотъ 38-ой километръ. Сколько разъ онъ проѣзжалъ съ экспрессомъ мимо сторонившихся «товарныхъ».

Это было... тогда... когда... въ Бельги не было нѣмецкихъ солдатъ... когда Ивонна ждала его въ маленькомъ домику за полотномъ...

Рувье далъ ходъ.

VII.

...Поѣздъ, громыхая и лязгая, мчался среди непроницаемой тьмы. Только два фонаря, какъ два громадныхъ глаза, бросали дрожащія полоски свѣта на убѣгающую даль поблескивавшихъ рельсъ.

Рувье привычно управлялъ паровозомъ. Нажималъ рычаги, открывалъ клапаны и слѣдилъ за скачками стрѣлки манометра.

Солдаты не спускали съ него глазъ, держа наготовѣ заряженныя ружья.

— Только попробуй...

Поѣздъ мчался.

Рувье взглянулъ на часы—до разъѣзда оставалось десять минутъ. Надо было дѣйствовать. Онъ обернулся и сказалъ:

— Дайте мнѣ, пожалуйста, вотъ тотъ ящикъ. Мнѣ нужно...

Солдатъ повернулся, Рувье съ быстротой молнии подскочилъ къ нему. Толчокъ—и солдатъ исчезъ, покотившись съ паровоза.

Другой выхватилъ револьверъ и направилъ на Рувье, но не стрѣлялъ, по-

нимая, что тогда паровозъ останется безъ машиниста.

Рувье сознавалъ, что его планъ, планъ мщенія, можетъ рухнуть, если солдатъ успеетъ дернуть сигнальную веревку. Тогда придутъ солдаты, отцѣпять паровозъ, и весь этотъ пятидесятивагонный поѣздъ, набитый ненавистными нѣмцами, спасенъ.

Онъ стоялъ противъ солдата. Тотъ сдѣлалъ движеніе—протянулъ руку къ веревкѣ, но Рувье въ это время открылъ клапанъ и цѣлое облако густого пара заволокло паровозъ. А когда онъ разсѣялось на узенькой площадкѣ стоялъ уже онъ одинъ.

Нѣмца не было...

Рувье взглянулъ на часы. Пять минутъ.

Онъ дегнулъ рычагъ, паровозъ вздрогнулъ и помчался—полнымъ ходомъ.

— Соскочить.—полумаль онъ.—Нѣтъ, все равно смерть... Надо хорошо направить.

И онъ озабоченно сталъ управлять машиной, насвистывая какую-то пѣсенку, будто везъ не нѣмецкихъ солдатъ, а свой обычный парижскій экспрессъ.

VIII.

Двѣ минуты... одна... Рувье взглянулъ изъ окошка. Есть!

Поѣздъ стоитъ на томъ же пути.

«L 28» мчался полнымъ ходомъ. Рувье видѣлъ, какъ на полотнѣ передъ самымъ паровозомъ встрѣчнаго поѣзда забѣгалъ челоѣкъ, размахивая краснымъ флагомъ.

Машинистъ прибавилъ ходу.

Вихремъ пролетѣлъ онъ мимо деревянной платформы и, высунувшись, крикнулъ прямо въ лицо растерянному, перепуганному нѣмецкому офицеру:

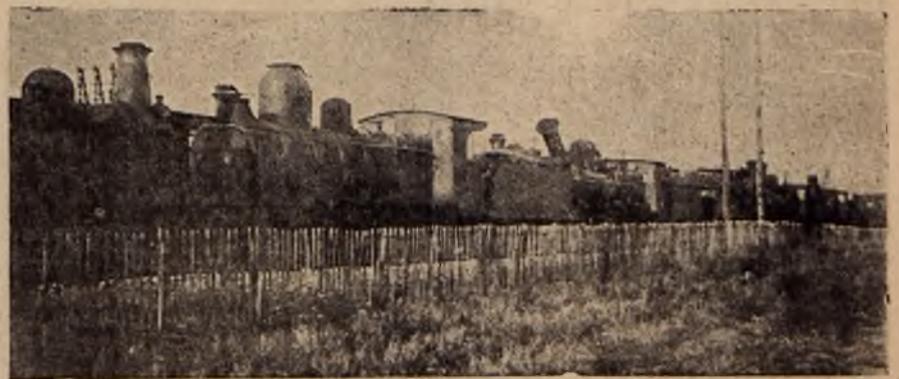
— Да здравствуетъ Бельгія!..

Черезъ секунду онъ почувствовалъ, какъ что-то громадное и тяжелое валилось въ его тѣло. И послѣднимъ мимовѣніемъ жизни понялъ, что—конецъ...

Вагоны вскакивали одинъ на другой. Лопались въ секунду крѣпкія, желѣзныя стѣнки, крошились, какъ картонъ, и солдаты превращались въ безформенную, стонущую массу...

...Это сдѣлалъ простой машинистъ. Танъ Рувье, вѣдившій на паровозѣ «L 28»...

С. Р.—ъ.

Бельгійскіе локомотивы, переопанченые на храненіе на французскія желѣзныя дороги и частью поврежденные сна. чдами

С. Я. Лозаваичъ.

Генераль Галлиени—комендантъ Парижа.

Россія и Пруссія.

Надменный зарвавшийся тевтонъ, дерзко бросающій вызовъ великой Россіи, забылъ, что русскія войска неоднократно проходили чрезъ Берлинъ и что Россія владѣла землями Восточной Пруссіи, которыя великодушно уступила покровительствуемымъ ею прусскимъ королямъ.

Не безинтереснымъ въ настоящее время представляется, между прочимъ, воспроизведеніе въ печати нижеслѣдующаго стариннаго документа.

Порядокъ объявленія въ Кенигсбергѣ въ 1761 году указа Императрицы Елизаветы о правахъ жителей въ Пруссіи.

8 февраля, по учиненной наканунѣ повѣсткѣ всѣ здѣшнихъ судебныхъ мѣстъ чины въ главную квартиру собрались и въ показанной имъ залѣ повелѣнія ожидали. Главнокомандующій арміею господинъ генералъ и королевства Прусскаго назначенный генераль-губернаторъ съ многочисленною ассистенціею какъ генералитета, такъ и штабъ и оберъ-офицеровъ, въ девять часовъ передъ полуднемъ, изъ своихъ покоевъ прибылъ въ реченную залу, гдѣ, принявъ отъ assessора Веселитскаго, подъ отверстою печатью пакетъ, надписанный въ здѣшнее правленіе, оберъ-секретаря онаго позвалъ и, обратясь къ прочимъ, сказалъ: Воѣ здѣшняго правленія министры ретировались, а господинъ дѣйствительный тайный статскій и военный совѣтникъ Лесгевангъ за старостью и дряхлостью присутствовать не можетъ; итакъ, онъ одинъ, се-го департамента, главнымъ будучи, желаетъ, чтобы оберъ-секретарь именной Ея Императорскаго Величества указъ и приобщенные къ оному пункты въ слухъ передъ всѣми читалъ; что и учинено.

Память о войнѣ 1914 г. Милый германскій сувениръ, продающійся въ Берлинѣ по 10 пфениговъ за штуку и изображающій снарядъ новаго германскаго осаднаго орудія въ 42 сантиметра (16½ дюймовъ). Этими снарядами были разрушены форты крѣпостей Льежа, Намюра, Лонгва и Мобежа.

(Съ фот. С. Я. Левковича)

Рядъ солдатъ въ военномъ лагерѣ.

Сколько пива выпиваетъ Берлинъ.

Если о ростѣ города судить по количеству потребляемыхъ имъ спиртныхъ напитковъ, то придется признать чрезъвычайно быстрый ростъ Берлина за послѣдніе годы.

До недавняго времени Мюнхень считался классическимъ городомъ потребления пива и въ этомъ отношеніи не имѣлъ соперниковъ. Но потребление пива въ Мюнхенѣ съ 1881 по 1913 г. хотя и возрастаетъ (1.443.227 гектолитровъ въ 1881 г. противъ 1.873.489 гектолитровъ въ 1913 г.), однако, расходъ пива на душу населенія тамъ понизился почти въ полтора раза (465 литровъ на душу въ 1881 г. противъ 295 л. въ 1913 г.). Не то мы видимъ въ Берлинѣ.

Въ 1846 г. Берлинъ выпивалъ въ годъ 180.000 гектолитровъ пива; черезъ 35 лѣтъ, въ 1881 г., расходъ пива въ Берлинѣ увеличился въ 15 разъ, а въ 1913 г. почти въ 40 разъ! При этомъ на душу населенія расходъ пива въ Берлинѣ понизился очень незначительно (въ 1887 г. 210 литровъ на душу, а въ 1913 г. — 190 литровъ).

Изъ страны полумѣсяца.

(Отъ нашего корреспондента).

I.

Синопская шелка.

Слышали про знаменитую Синопскую шелку? Мнѣ, года три назадъ, довелось побывать на Синопѣ, я застрялъ тамъ на пять сутокъ, по слухамъ карантина, и старый турецкій гвардіонъ, помнившій морское сраженіе турокъ и русскихъ, показалъ мнѣ и группѣ «карантинниковъ» любопытный памятникъ этого сраженія— невысокій каменный шпиль. Шпиль этотъ почти вплотную подходитъ къ скалистому берегу и вмѣстѣ съ берегомъ образуетъ узкую щель острымъ треугольникомъ.

Когда весь турецкій флотъ былъ уничтоженъ нашими brave моряками—частью сожженъ, частью потопленъ, то съ одного нашего крейсера была замѣчена непріятельская миноноска—единственная уцѣлѣвшая въ разгромѣ. Она была достаточно жалка. Бокъ развороченъ, рубка сбитая. За нею кинулись въ погоню, и она опрометью метнулась прочь къ Синопскому берегу. Въ отчаяніи она съ размаху бросилась въ упомянутую щелку и проскочила ее, благодаря чему спаслась и вернулась подъ покровомъ ночи въ Константинополь, прячась отъ нескромныхъ взоровъ среди старыхъ баржъ.

И, какъ она тогда не застряла въ этой узкой щели, какъ не разбилась въ щепы?! Во истину великъ Аллахъ и Магометъ,

пророкъ его! Русскіе такъ были поражены этимъ явленіемъ, что отказались, отъ дальнѣйшаго преслѣдованія.

Сейчасъ не въ мѣру зарвавшимся турецкимъ шовинистамъ напоминаютъ объ этой знаменитой шелкѣ, какъ-бы и на этотъ разъ, обжегшись въ русскихъ водахъ, не пришлось турецкому флоту улепетывать. Да и не всегда милостивъ Аллахъ—сегодня въ шелку пролѣзъ, а завтра застрялъ. Не поможетъ никакое мыло, и ни самъ всеисильный Сандеръ со своимъ «Гебеномъ» и «Бреслау».

II.

Дождь піастровъ.

Турецкому народу, дрожащему надъ каждымъ піастромъ, снятся теперь сладкіе сны. Съ отмѣной капитуляціи онъ не перестаетъ видѣть во снѣ дождь изъ піастровъ.

Первый дождь изъ піастровъ онъ ждетъ отъ своей почты. Какъ извѣстно до сихъ поръ, всѣ иностранныя державы, въ силу договора, имѣли по всей Турціи—въ Константинополь, Смирнѣ, Бейрутѣ, Іерусалимѣ и друг. крупныхъ и мелкихъ городахъ свои почты. И всѣ посылки, денежные переводы письма шли черезъ австрійскую, русскую, французскую и другія почты. Была и турецкая почта, но туда рѣдко кто заглядывалъ; предпочитали иностранную, такъ какъ тамъ легче было столкнуться и черезъ нее письма получались скорѣе. Турецкая почта была въ совершеннѣйшемъ загонѣ и всегда

пустовала. Однажды изъ любопытства я забрелъ туда и сдалъ чиновнику письмо, и надо было видѣть, съ какими поклонами и какой благодарной улыбкой встрѣтилъ меня тотъ и потомъ провожалъ до самыхъ дверей. Я точно осчастливилъ его.

А сейчасъ, всѣ иностранныя почты, по предписанію турецкаго правительства закрыты, и вся корреспонденція проходитъ черезъ турецкую почту. Сегодня, когда я зашелъ въ отдѣленіе на Перѣ, я съ трудомъ пробился черезъ людскую толпу къ окошечку. Вмѣсто одного чиновника сидѣло четверо и передъ ними серебрились кучи піастровъ. Какъ разъ въ это время заѣхалъ ревизовавшій отдѣленія министръ почтъ—полный краснорочій мужчина въ европейскомъ сюртукѣ и фескѣ, и, видимо, оставшись довольнымъ невиданнымъ оживленіемъ здѣсь, кивнулъ ласково головой чиновникамъ и поѣхалъ дальше.

А сколько піастровъ, меджидіе и лиръ ожидаетъ турокъ въ дальнѣйшемъ будущемъ,—когда они высчитываютъ и прикидываютъ на столбцахъ своихъ газетъ—голова у нихъ кружится отъ радости и гордости. Турки увѣрены въ своемъ воскресеніи. Ихъ тѣшатъ легкія безкровныя побѣды, и въ своемъ упоеніи они не видятъ, какъ стережетъ ихъ французско-англійскій флотъ у Дарданеллъ и готовъ ударить на нихъ при новомъ административномъ вызовѣ.

Джаффаръ-бей.

Помощь монастырей.

Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Передъпріемомъ раненныхъ солдатъ монахини готовятъ бѣлье.

Въ аптекѣ монастыря. Приготовленіе лекарствъ.

«За повязкой».

Раненные во дворѣ монастыря.

(Сочиненіе для Вѣстн. Нов. 14)

Кайзеръ и муха.

Басня.

Вильгельму донесли о гнусномъ свято-
татствѣ,

Какого не было, пожалуй, до сихъ поръ:
— «Услась Муха въ Реймсъ на со-
боръ!»

Не смысла ничего въ орнамента богатствѣ,
Собою Муха въ немъ нарушила узоръ!
Эстетиковъ она въ насъ оскорбила чв-
ство!..

Съ молниеносной намъ отвѣтите быстро-
той:

Что дѣлать съ Мухой той?
Вѣдь, вы такъ любите прекрасное искус-
ство!..»

И былъ таковъ отвѣтъ:

— «Пошали Мухѣ—нѣтъ!

Чтобъ проучить всѣхъ прочихъ реймс-
скихъ мушекъ,—

Ту Муху—разстрѣлять изъ пушекъ!..

Всѣ по ряsenья, съ каски дошпоръ—
Сестъ—на соборъ!..

Не-мед-лен-но казнить такую Муху надо!
И—началась подъ Реймсомъ канонада:

Снарядовъ полетѣлъ мгновенно въ Муху
рядъ:

Ту Муху сокрушить былъ каждый нѣ-
мецъ радъ!—

Снаряды рокотали глухо...

Соборъ—пыпалъ!.. Когда-жъ огонь
потухъ.

Вильгельму донесли, что испустила духъ
«Гармонію частей» нарушившая Муха!..

Такъ Муха, за свои позорныя дѣла,
Наказана была!..

Вильгельмъ не заслужилъ укора!

Напрасно возмущенъ весь свѣтъ:

Ну, хорошо,—нѣтъ реймскаго собора,
Но реймской Мухи—также нѣтъ!..

Дарвадднй.

«Бельгійцы умѣютъ защищаться и умирать». Сраженіе съ германскими войсками жителей бельгійской деревни.

И мы!

Германская армія во всемъ хочетъ походить на своего вождя. Пока дѣло ограничивается усами.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ
2-го изданія.

При этомъ № „Всемирной Панорамы“
разсылаются книжки №№ 35 и 36 „Клас-
сической Библиотечки“.

Максъ Линдеръ въ мундирѣ солдата
59 пѣхотнаго французскаго полка—от-
крытка, имѣющая большое распростра-
неніе въ Парижѣ.

Гуровъ.—Если мы будемъ воевать и меня убьютъ—казна разорится на пособие моимъ женамъ...

Современныя орудія и война.

Артиллерійскіе снаряды и орудія.

Ручные пращи и лукъ дали начало военнымъ машинамъ древности, которыя въ свою очередь явились родоначальниками современныхъ артиллерійскихъ орудій. Задачей артиллеріи является подготовка боя на разстояніи и разрушеніе непріятельскихъ укрѣпленнхъ пунктовъ и военныхъ кораблей. Изобрѣтеніе пороха сразу измѣнило всю картину артиллерійскаго боя, давъ въ первое-же время возможность въ нѣсколько разъ увеличить вѣсъ снаряда и дальность его полета. Въ самомъ началѣ возникновенія артиллеріи были придуманы для стрѣльбы изъ пушекъ поляны внутри, металлическія (первое время латунныя а затѣмъ чугуныя) бомбы, наполняемыя взрывчатымъ составомъ. Фитиль бомбы, важивавшійся передъ выстрѣломъ, дѣлался такой длины, чтобы разрывъ бомбы происходилъ въ самый моментъ достиженія ею своей цѣли (и во всякомъ случаѣ не ранѣе). Англійскій артиллерійскій офицеръ Шрапнель далъ свое имя бомбѣ, играющей столь видную роль въ современныхъ войнахъ. Бомба эта, начиненная пулями, разрывается на полетѣ и поражаетъ при взрывѣ значительную площадь. Шрапнель снабжена особой запальной трубкой, съ помощью которой возможно для каждаго отдѣльнаго случая регулировать время взрыва. По существу дѣла—шрапнель явилась лишь усовершенствованной картечью, которую съ успѣхомъ примѣняли еще въ войнахъ первой половины XIX вѣка. Со второй половины его стали примѣнять нарѣзку въ пушкахъ, значительно увеличившую какъ дальность, такъ и лучшую прицѣльность орудій. Существенной частью современныхъ орудій является затворъ, который не долженъ пропускать газовъ, образуемыхъ при взрывѣ вещества, дающаго толчокъ ядру. Каждое государство имѣетъ свои вырабо-

въ значительной мѣрѣ отравилось на пушечномъ производствѣ изобрѣтеніе различныхъ сортовъ пороха и взрывчатыхъ веществъ, обладающихъ большей силой взрыва, чѣмъ та, которая присуща пороку. Разумѣется, составъ взрывчатого вещества сохраняется каждымъ государствомъ въ строжайшемъ секретѣ. Лидить у англичанъ, шимоза у японцевъ, австрійскій пикратъ и т. д. являются національнымъ секретомъ, несмотря на то, что элементы, образующіе взрывчатое вещество, общеизвестны.

Современныя взрывчатая вещества даютъ возможность:

1. Усилить разрывное дѣйствіе снаряда, то есть, увеличить его разрушительную силу;

2. Уменьшить калибръ, что вызываетъ два слѣдствія:

1-е. Снаряды являются менѣ громоздкими, болѣе удобоперевозимыми, дающими возможность снабженія орудій ими въ большемъ количествѣ, что вполне соответствуетъ принципу современныхъ скорострѣльныхъ орудій.

2-е. Увеличивается дальность полета снаряда, что является особенно важнымъ для крѣпостныхъ орудій.

Раскаиванье кронпринца.

Кронпринцъ.—Какъ жаль, что я купилъ эту обстановку... Во Франціи я могъ бы приобрести ее значительно дешевле...

3-е. Представить каждую отдѣльную батарею меньшимъ количествомъ орудій, чѣмъ это практиковалось до сихъ поръ. Стремленіе къ ушатенію стрѣльбы, появившееся уже въ средніе вѣка, выразилось для того времени въ такъ называемыхъ «органныхъ пушкахъ».

Однако, истиннымъ началомъ разрушительной дѣятельности этого рода оружія надо считать 1861 годъ, когда американецъ Гатлингъ сконструировалъ т. н. «револьверную пушку». дававшую 1000 выстрѣловъ въ минуту изъ десяти стволовъ. Особой извѣстностью пользуется французская митральеза, калибръ которой былъ равенъ 13 мм. Она имѣла 25 стальныхъ стволовъ. Магазины съ 25 снарядами вставлялись съ казны и нажимомъ рукоятки давалъ валлпъ изъ всѣхъ стволовъ. Постоянное уменьшеніе калибра магазинныхъ пушекъ привело къ выработкѣ весьма грознаго оружія для отраженія атакъ—пулемета, введеннаго нынѣ во всѣхъ арміяхъ, послѣ того, какъ на поляхъ манчжурскихъ сраженій онъ по-

Въ самомъ началѣ послѣдней войны Круппъ въ Германіи, Армстронгъ въ Англии и Кресо во Франціи выработали типы скорострѣльныхъ пушекъ большого калибра, которыя вдобавокъ утилизируютъ отдачу или откатъ орудія для автоматическаго открыванія затвора. Последнимъ словомъ артиллерійской техники служатъ скорострѣльныя пушки германской полевой артиллеріи, основанныя на принципѣ пулемета, то есть, съ зарядами, помѣщенными на лентѣ. Для охлажденія ствола, накаляющагося при стрѣльбѣ, утилизируется сила отдачи, посредствомъ которой насосъ автоматически нагнетаетъ воду.

Что касается стоимости орудій и снарядовъ къ нимъ, то военная техника не ставитъ на первое мѣсто вопроса о дешевизнѣ: выстрѣлъ изъ современного большого орудія обходится въ тысячи рублей. Къ тому же непрерывное совершенствованіе заставляетъ мѣнять орудіе задолго до его непригодности.

Редакторъ Б. А. Катковскій.

Издатель: Т-во Изд. Дѣла «Копѣйка» въ лицѣ представителя М. Городецкаго.

Принимается подписка НА ЖУРНАЛЪ

„Всемирная Панорама“

Подписавшіеся за 6 рублей немедленно получаютъ:

35 книгъ „Классической библіотеки“ (Полное собраніе сочиненій Аксакова, Помяловскаго, Лермонтова, Кольцова, Фонвизина, Грибоѣдова и Гоголя).

40 №№ „Всемирной Панорамы“ и въ теченіе октября—декабря получаютъ еще 17 книгъ

„Классической библіотеки“ (Собраніе сочиненій Пушкина, Крылова и Марлинскаго, а также

12 № „ВСЕМИРНОЙ ПАНОРАМЫ“.

Петроградъ. Ляговская, 111. Издательское Дѣло „КОПѢЙКА“.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
новый романъ М. РАСКАТОВА

„ВЪ ВОДОВОРОТЪ“
(Антонъ Кречеть).

Цѣна 40 коп.

Наложеннымъ платежомъ 70 коп.

Главный складъ изданія:

Петроградъ. Лиговская, 111-113,
магазинъ
„КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“.

Уходъ за волосами.

1) Уходъ за волосами

и лѣченіе болѣзней волосъ.

Составилъ д-ръ С. Франкъ.

Цѣна книги 60 коп., съ пересылк. и нал. платежомъ 85 коп.

2) Гигіена волосъ,

уходъ за ними и предупрежденіе сѣдинъ и облысенія.

Составилъ д-ръ Панюсъ.

Цѣна книги 25 коп., съ пересылк. и нал. платож. 46 коп.

3) Какъ причесываться.

Какъ ухаживать за своими волосами? Какъ сохранить свои волосы? Наставленіе для самостоятельнаго, безъ помощи парикмахера, исполненія дамскихъ и дѣтскихъ причесокъ, какъ для дома, такъ и для выѣздовъ. Врачебные совѣты для ухода за волосами и лѣченія ихъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылк. и налож. плат. 1 р. 60 коп. Всѣ три книги вмѣстѣ высылаются съ налож. плат. за 2 р. 45 коп.

Книжный магазинъ „Книжный Поставщикъ“
Петроградъ. Лиговская ул., д. 111-113.

БОЛОТА И ОВРАГИ.

1) Причины образов. болотъ

и ихъ осушеніе.

Составилъ А. Ф. Паненгутъ.

Цѣна книги 20 коп., съ пересылк. и нал. платож. 40 к.

2) Овраги, обрывы,

опады и оползанія и ихъ укрѣпленія веревочными оврагами и промоинами при помощи простыхъ сооружений: хвороста, плетня, фашинника, дерева и камня, съ 55 рис.

Составилъ М. П. Новгородскій.

Цѣна книги 30 коп., съ пересылк. и налож. платож. 65 к. Обѣ книги вмѣстѣ высылаются съ налож. плат. за 80 коп.

Книжный магазинъ „Книжный Поставщикъ“, Петроградъ, Лиговская, 111-113.

КУРСЪ АВТОМОБИЛИЗМА.

Составилъ Н. Г. Кузнецовъ.

Цѣна книги безъ пересылк. 5 руб., съ пересылк. 5 р. 75 коп. За пересылку причисляется 55 коп.

Книжный магазинъ „Книжный Поставщикъ“, Петроградъ, Лиговская ул., д. 111-113.

ВОЙНА НЕ ПИШЕТЪ РАБОТЫ.

На многоколѣсные ваггоны заинтересованнымъ лицамъ сообщаемъ, что война не мѣшаетъ намъ работать:

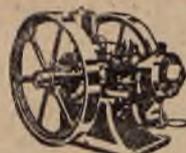
КАКЪ ПРЕЖДЕ мы продаемъ наши быстрозавѣтные автоматическія машины „Викторія“ по цѣнѣ Р. 100.00.

КАКЪ ПРЕЖДЕ всякій, купившій машину, становится нашимъ сотрудникомъ. мы платимъ за работу лужнымъ паръ углями или искомымъ нашимъ сотрудникамъ по Р. 1.50.

КАКЪ ПРЕЖДЕ наши сотрудники зарабатываютъ ежемесячно Р. 50,00 и болѣе. 1 машины и разнообразна пружа въ большомъ запасѣ на складѣ. Машина всѣтъ около 1 пуда, желажимымъ высылаются по почте.

Подробности по первому требованію бесплатно.

Товарищество Владельцевъ Машинъ **Т О М А С Ъ Г. В И Т Т И Н Ъ**
Н Ю Н А У и **К О**, (Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall Street).
Петроградъ, Невскій, 40—42, Отд. 30 В. **М о с к в а**, Красныя ворота, д. А ф р е м о в а, Отд. 30 К. Нижній-Новгородъ, Главный домъ, 68.

ШВЕДСКІЙ МОТОРНЫЙ ЗАВОДЪ
Бр. ЭКВАЛЬ.

СПБ. Головинскій пер. 17.—Телеф. 411-68.

НЕФТЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ.

Модель 1914 года. Для мучомальныхъ мельницъ и всѣхъ промышленн. ныхъ цѣлей. Высокое достоинство. Цѣны вѣт конкурренціи. Каталогъ № 2 по востребованію бесплатно. Всѣ размеры постоянно на складѣ.

ИЩУТЪ СОЛИДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

Картины великой войны

исполнены въ ярк. краскахъ по типу русск. дубка. 1) „Летяя атака русскихъ орловъ-казакъ и взятіе австрійской крѣпости Львовъ“. 2) Морское сраженіе въ Сѣверномъ морѣ или гибель германскаго броненосца. 3) Война въ воздухѣ. Первый вѣт. Знаменитый французскій авіаторъ Гарро на своемъ аэропланѣ разбитъ нѣмецкій цепельникъ и погибъ самъ смертнмъ герол. 4) Славное дѣло Донского казака Музыки Крючкова, уложившаго 11 вѣтцевъ и получившаго Георгія. 5) „Европейская узня“. Интересная картина юмористическаго содержания. Цѣна каждой картини въ отавльности 40 к. Пересылка и упаковка за счетъ заказчика. Высылающіе одновременно всѣ 5 картинъ платятъ 1 руб. 50 коп. съ пересыл.

ПОЛНАЯ ПОДРОБНАЯ КАРТА ВОЙНЫ

составленная примынительно къ послѣднимъ событіямъ войны, съ подробнымъ указаніемъ городовъ, мѣстечекъ, фортонъ и портовъ, магистралей жел. дор. и т. п. Исполнена въ нѣсколькx красокъ, больш. разм. Къ картѣ бесплатно прилагаются 200 национальныхъ флажковъ возмужныхъ го ударствъ для отмѣтокъ хода военныхъ событий. Цѣна 1 р. Пересылка и упаковка за счетъ заказчика. Высылающіе одновременно всѣ 5 картинъ и карту войскъ платятъ только 2 руб. 25 коп. съ пересылкой за нашъ счетъ. Требования адресовать: **Товарищество ОМЕГА**, Москва, ком. ящ. 467. Отд. № 20.

— ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ —

Не требуется знаній. Доступно всѣмъ. Изученіе даетъ хороший заработокъ. Простыя руковод.-самоучетная, заслужившіе массу благодарностей:

- 1) Устр. домашн. электрич. освѣт. безъ машинъ.—50 к.
- 2) Изгот. аккумуляторовъ.—40 к.
- 3) Изгот. сухихъ батареекъ.—30 к.
- 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаций.—50 к.
- 5) Устр. индукц. медицинскаго аппарата.—40 к.
- 6) Гальванопластика, никкел.-ар., золоч., серебр. и пр.—1 руб.
- 7) Устр. динамо-машинъ и электро-мотор. до 500 уаттъ.—1 р. 20 к.
- 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—44 к.

Пересылка одной книги 10 к., двухъ, трехъ и болѣе—15 к. За налож. платожъ прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ количества книгъ.

Всѣ 8 руководствъ высыл. за 4 р. 85 к., съ налож. плат.—5 руб.

Прислѣтыя и отзывы высылаются **б е з п л а т н о**.

Адр.: Тезя. **М. А. Богольнову**, Москва, Бол. Козинскій пер., д. 4—40.

Поступила въ ПРОДАЖУ

БОЛЬШАЯ, МНОГОКРАСОЧНАЯ КАРТА
Всѣхъ Театровъ Войны.

Изданіе Акц. Общ. Изд. Дѣла „Копѣйка“.

ЦѢНА КАРТЫ—20 коп., съ пересылкой—35 коп.

Главный складъ изданія: Книжный магазинъ „Книжный Поставщикъ“
Петроградъ, Лиговская 111-113.

СВЪЯВЛЕНІЯ ВЪ ЖУРНАЛѢ
ВСЕМИРНАЯ ПА

принимаются въ Главн. К-рѣ Изд. Дѣла „Копѣйка“, соб. домъ, тел. 69-87, по цѣнѣ за строку и 1 р. 25 к. После текста—80 к. Въ При многократныхъ публикаціяхъ—скидка. По телефону) Главная К-ра командиру

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 336588